

США: тенденции посткризисного развития



Иван ВАРИВОНЧИК,
доктор исторических
наук, доцент

В течение 20–25 лет после окончания Второй мировой войны развитие США характеризовалось уверенным экономическим ростом, возникновением массового среднего класса, составившего большинство населения. Положительная социальная динамика питала веру миллионов американских граждан в то, что добросовестный труд, соблюдение существующих установлений и правил гарантируют им достойный уровень жизни. Его рост для каждого нового поколения. Однако этого не случилось.

Характерной чертой экономического развития США с начала 1970-х годов стало усиление социальной дифференциации. Плоды экономического роста в большей степени, чем прежде, достались богатой элите, наращивавшей производительности труда не сопровождалось пропорциональным увеличением финансовых компенсаций наемным работникам, периоды экономических взлетов не приносили, как прежде, быстрого повышения благосостояния большинству граждан, в том числе и среднего класса. Финансовая стабильность, получение образования для большей части населения становились все более трудно решаемыми задачами.

С конца 1940-х и к началу 1970-х годов реальные, с учетом инфляции, доходы американцев выросли почти в два раза. Темпы их роста у богатых американцев и среднего класса существенно не отличались. Прилив одинаково поднимал и большие корабли, и маленькие лодки. Разрыв в доходах между

богатыми, средним классом и бедными слоями населения существенно не менялся. Рост производительности труда сопровождался ростом оплаты труда. По данным доклада либерального Института экономической политики, производительность труда в стране с 1948 по 1973 год возросла на 96,7 %, а увеличение почасовой оплаты работников за этот же период составило 91,3 %. Однако в течение следующих 40 лет – с 1973 по 2013 год – производительность труда выросла на 74,4 %, в то время как выплаты увеличились лишь на 9,2 % [1, p. 4].

Начиная с 1970-х годов, экономический рост в США замедлился, а разрыв в доходах возрос, продолжали расти доходы богатых и очень богатых американцев. С 1979 по 2007 год, непосредственно предшествовавший экономическому кризису, средний доход 1 % самых богатых американцев после уплаты налогов вырос в 4 раза. Для остальных слоев населения наступил период замедленного роста и даже стагнации. По уровню концентрации богатства в руках немногих страна вернулась ко времени начала Великой депрессии [2, p. 1, 8]. Не изменилось положение и после кризиса 2007–2008 годов. С началом оживления экономики в 2009–2012 годах реальный средний доход американцев вырос на 6 %, но этот рост был крайне неравномерным. Доход 1 % самых богатых увеличился на 31,4 %, в то время как доходы 99 % американцев – лишь на 0,4 % [3]. Дивиденды

ОБ АВТОРЕ

ВАРИВОНЧИК Иван Васильевич.

Родился в 1957 году в г.п. Смолевичи Минской области. Окончил Минский государственный педагогический институт имени А.М. Горького (1978).

С 1984 года – ассистент, старший преподаватель, с 1989 – доцент, с 2015 года – профессор кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ имени М. Танка.

Доктор исторических наук (2015), доцент (1989).

Автор более 60 научных работ, в том числе двух монографий.

Сфера научных интересов: американистика, социальная история стран Запада.

от возобновившейся экономической активности доставались крупным собственникам и успешным менеджерам, но не основной массе тружеников. Рост реальных почасовых компенсаций работникам имел место в 2010, 2012 и 2014 годах и составил, соответственно, 0,3, 0,6 и 0,7 %, значительно отстав, как и прежде, от роста производительности труда (3,3, 1 и 0,8 % соответственно). В 2011 и 2013 годах, несмотря на рост производительности труда (0,1 и 0,9 %), уровень компенсаций снизился на 0,9 и 0,3 % соответственно [4; 5].

Показательными являются данные проводимого Федеральной резервной системой (ФРС) каждые 4 года Исследования финансов потребителей (Survey of Consumer Finances) за 2010–2013 годы. После непродолжительного, связанного с экономическим кризисом, периода сокращения доходов богатых, средний реальный доход семей вырос на 4 %, но медианный доход сократился на 5 %, что означало еще большую, чем прежде, концентрацию доходов в руках немногих. Наибольшие в процентном отношении потери несли средние доходные группы [6, p. 1]. Медианный доход американских домохозяйств в 2014 году был все еще ниже предкризисного уровня 2007 года (53 тыс. долларов и 56,4 тыс. долларов) [6, p. 3]. Несмотря на восстановление экономики, реальные доходы семей среднего класса не росли, докризисный уровень достигнут не был.

Еще более контрастной выглядит картина владения собственностью. В 2013 году 3 % американцев за вычетом долговых обязательств обладали 54 % собственности, на следующие за ними 7 % приходился 21 %, на долю остальных 90 % американцев оставалось, таким образом, лишь четверть всех свободных от обязательств собственности и финансовых ресурсов страны. Сокращался медианный показатель стоимости свободных от обязательств активов американских семей. По данным ФРС, в 2007–2013 годах этот показатель уменьшился с 125 тыс. до 90 тыс. долларов. Медианные и средние показатели владения собственностью снизились для беднейших 60 % американцев. Наиболее дорогостоящей частью активов средней американской семьи является дом. С 2007 по 2013 год средняя стоимость дома за вычетом кредитов сократилась с 221 тыс. до 159 тыс. долларов. Еще более

дифференцированными были показатели доходов и собственности для национальных меньшинств, молодежи, американцев без высшего образования и не имевших собственного жилья [7, p. 6–7, 10, 22].

В своем ежегодном послании Конгрессу в январе 2014 года Б. Обама констатировал: «Сегодня, после четырех лет экономического роста, корпоративные прибыли и цены на акции редко когда были выше, и те, кто наверху, никогда прежде так не преуспевали. Но средняя заработная плата практически не изменилась. Неравенство углубляется. Вертикальная мобильность отсутствует. Жестокая реальность заключается в том, что, даже в условиях восстановления экономики, слишком многие американцы работают больше, чем когда-либо, только чтобы сравнять свое нынешнее положение, не говоря уже о том, чтобы двинуться вперед» [8].

Происходящее объясняется рядом объективных и субъективных факторов, наиболее существенными из которых стали последствия длительного доминирования неоконсервативной идеологии и практики, изменения в корпоративной политике, сокращение государственного регулирования социально-экономических процессов, глобализация экономики, технологические изменения и подвижки на рынке труда.

Глобализация привела к открытию новых рынков, к взаимодействию стран с различным уровнем развития в небывалых размерах. Относительный рост благосостояния в странах Азии, Южной Америки, Африки, Восточной Европы расширил возможности мировой торговли. Миллионы людей улучшили свое положение, что увеличивало совокупный спрос. Использование Интернета, новых технологий в логистике удешевило организацию международной торговли, дало возможность продавать товары на мировых рынках и покупать аналогичные отечественным и более качественные товары по меньшей цене. Новые информационные возможности способствовали активизации малого и среднего бизнеса. Несмотря на рост взаимной конкуренции, они увеличили шансы на успех инноваций на международном уровне. В условиях информационной экономики для создания и продвижения нового, инновационного продукта, например программного обеспечения, тре-

буется небольшой капитал. При этом сам продукт может быть использован многими, что ведет к мультипликации полученных результатов.

Другой стороной глобализации стала организация производства там, где это выгодно в данный момент, перемещение рабочих мест в страны с дешевой рабочей силой, с низким уровнем защищенности наемного работника, малыми затратами на организацию производства. Замещение американских товаров китайскими стало важнейшей причиной сокращения рабочих мест в промышленности США. Однако крупный бизнес не остался внакладе. Непосредственным производителям доставалась меньшая часть прибыли – львиную долю ее получали американские транснациональные корпорации. Проигрывали наемные работники в самих США. По данным ФРС, в производствах, в наибольшей степени подверженных международной конкуренции, доля получаемого наемными работниками дохода оказалась наименьшей [9]. Глобализация повлекла за собой рост конкуренции и стремление бизнеса к сокращению производственных расходов, затрат на собственный персонал, подрывала позиции наемных работников в переговорном процессе с нанимателями.

Внедрение новых технологий, с одной стороны, снизило стоимость производимых товаров и услуг, с другой – привело к ликвидации значительного числа рабочих мест в промежуточных производственных звеньях, к замещению «синих воротничков», занятых рутинным трудом, а также машинами и компьютерами. Изменения на рынке труда уменьшили число постоянных рабочих мест для среднего класса, но способствовали ускоренному созданию новых рабочих мест в высоко- и низкооплачиваемых секторах при относительном сокращении занятости со средним уровнем компенсаций. Рост доходов высококвалифицированных специалистов сопровождался временной или неполной занятостью, низкими заработками в сфере обслуживания, массового питания, для всех тех, кто не нашел своего места в мире высоких технологий. Минимальная зарплата не гарантировала превышения уровня бедности. К слову, сегодня в США она составляет 7,25 доллара в час, что значительно ниже максимального, с учетом инфляции, показателя 1968 года



в 9,58 доллара (в долларах 2014 года) [1, p. 10].

Важным средством улучшения положения наемного работника многие годы была практика коллективных договоров. Деятельность профсоюзов оказывала позитивное воздействие на неорганизованных работников, повышала уровень их притязаний и усиливала позиции в переговорном процессе. В США до 20 % размера зарплаток членов профсоюзов среднего и низкого уровней обеспечивалось условиями коллективных договоров [10]. Однако численность членов и доля юнионизированных работников постоянно сокращались. В 1900 году профсоюзы США объединяли 7 % рабочей силы несельскохозяйственного частного сектора. В 1955 году доля входивших в профсоюзы достигла своего максимума – 40 %, после чего постоянно сокращалась и вернулась к концу века на прежний уровень в 7 % [11, p. 5]. Коллективными договорами сегодня охвачены в США лишь 13 % работников [12, p. 37].

Начиная с 2000 года постоянно росло число американцев, работавших на двух и более работах, а также тех, кто имел неполную занятость не по своей воле. Не менее четверти всей рабочей силы трудились на условиях частичной занятости или по кратковременному контракту [13, p. 225; 14]. Работа на дому, фрилансерство могут приносить значительный доход, но не гарантируют его на длительный период. Широкое

распространение получили контракты без фиксированного рабочего времени, когда человеку платят только за выполненную работу и его рабочий день ненормирован.

Постоянная многолетняя занятость в стране стала скорее исключением, чем правилом. Новые формы занятости ликвидируют традиционную ответственность работодателя. Изменения на рынке труда, временная занятость и ослабление профсоюзов уменьшают объем долговременных трудовых отношений, сопутствующих им оплачиваемых отпусков, медицинских страховок, пенсионных планов, других бенефиций.

Уровень защиты наемного работника снизился, а уровень свободы нанимателя возрос. Высокая конкуренция на рынке труда, возможность организации производства за рубежом позволяют менеджменту проводить политику «оптимизации» расходов, оказывать давление на наемных работников, отказываться от долгосрочных капиталовложений в кадры и их подготовку.

В то же время требования к работникам возрастают. Высшее образование стало обязательным условием получения не только высоких, но и средних по западным меркам доходов. В течение последних 40 лет в США заработки у не имеющих высшего образования стагнировали, а дипломированных специалистов выросли. Постоянно увеличивалась и стоимость получения высшего образования. С 1973 по 2013 год средняя цена за обучение в частных вузах утроилась – с 10 783 до 30 094 долларов в год (в ценах 2013 года). В 3,3 раза, с 2710 до 8893 долларов, возросла стоимость обучения в государственных четырехгодичных вузах. Общие, с учетом проживания, средние расходы студентов государственных вузов в год возросли с 8416 до 18 391 доллара, студентов частных вузов – с 16 979 до 40 917 [15, p. 10, 15]. С одной стороны, начало века было отмечено увеличением долгов за полученное образование, с другой – диплом о высшем образовании перестал гарантировать достаток.

В США в 2010 году совокупный долг за образование превысил долг по кредитным картам и стал вторым по объему после ипотеки (1,1 трлн долларов). Доля молодых семей (40 лет и младше), имевших долги за образование, увеличилась с 22,4 до 38,8 %. Возросли средние и медианные по-

казатели долгов – с 16,9 тыс. до 29,8 тыс. долларов и с 10,5 тыс. до 16,8 тыс. долларов соответственно. Средний срок обязательств по выплате составлял 13 лет. Очевидно, что для бюджета большинства успешных, имевших работу молодых семей эти выплаты (в среднем 3,8 %) не представляли непосредственной угрозы [7, p. 25]. Однако получить работу становилось труднее, уровень оплаты становился ниже. В 2013 году реальные, с учетом инфляции, почасовые заработки вступавших в трудовую деятельность выпускников вузов были ниже, чем в конце 1990-х. Доля тех из них, кто был обеспечен медицинской страховкой от работодателя, сократилась с 53 % в 2000 году до 31 % в 2012-м. Половине выпускников школ было еще хуже – лишь 7 % имели страховку, оплаченную работодателем [1, p.10].

Очевидно, что финансовые обязательства существенно затрудняют решение насущных задач покупки жилья, дальнейшей профессиональной подготовки, создания семьи и рождения детей. Проблемы жизненного выбора иллюстрируют проведенные Министерством сельского хозяйства исследования расходов семьи на воспитание детей до 18 лет. Общие средние расходы на родившегося в 2013 году ребенка составят 245 340 долларов (в ценах 2013 года), или 304 480 долларов с учетом прогнозируемой инфляции. В куда более благоприятные с точки зрения благосостояния 1950–1960-е годы эти расходы были существенно ниже. В 1960 году они составляли 198 560 долларов, то есть почти на 25 % меньше [16]. Значительно более поздние браки, уменьшение количества детей в семьях, решение остаться одинокими у растущего количества американцев имеют, кроме изменившихся жизненных установок, и вполне конкретные материальные основания.

Недостаточные вложения в человеческий капитал, ухудшение условий получения образования – одна из причин роста социальной дифференциации в США. По данным финансового комитета Сената, в течение последних десяти лет вложения бизнеса в подготовку кадров как процент от ВВП сократился в два раза [17]. Корпорации перешли от установки на достижение долговременных целей к новому посылу – на получение максимальной прибыли в краткосрочной перспективе за счет финансо-

вых спекуляций и увеличения любой ценой рыночной стоимости акций. Такой подход препятствует вложениям в новое оборудование, сокращает затраты на рабочий персонал, отрицательно сказывается на росте производительности труда. Но именно в нем кровно заинтересован менеджмент, премиальные бонусы которого зависят не от успешной реализации долговременных стратегий, а от текущей стоимости активов предприятий.

Существенное влияние на рост социальной дифференциации оказывает система налогообложения. Для США характерна многолетняя практика расширения разного рода изъятий, введения льготного налогообложения, что привело к сокращению налогового бремени для богатых домохозяйств и корпораций. Рост доходов высшего менеджмента сочетался со снижением налогов на эти доходы и имущество. Обогащению способствовало и то, что налоговые выплаты можно отсрочить в случае размещения средств в дочерних зарубежных компаниях, в оффшорных зонах. При этом долговые обязательства констатируются внутри страны, а доходная часть за рубежом. Ежегодные потери американского бюджета от такой деятельности составляют до 80 млрд долларов [18].

Выгодной для богатых американцев является система взимания налогов при получении наследства. Наследство до 5,430 млн долларов для резидентов США в текущем 2015 году не облагается налогом. (Исключение составляют отдельные штаты со ставкой налога исключительного с 1 млн долларов.) В отношении более крупных состояний применяется льготная методика расчета стоимости наследства, исходя из его стоимости на момент смерти предыдущего хозяина.

Свою роль играет то, что, как показали эмпирические исследования, состоятельные американцы предпочитают заключать браки в своем кругу, закрепляя таким образом свое материальное положение. Уровень доходов родителей предопределяет доходы детей [19].

Дополнительной проблемой стало начало выхода на пенсию самого многочисленного поколения беби-бума. Старение населения ведет к росту сбережений, а не тратам на услуги и товары, что также сокращает совокупный спрос.

Растущее неравенство порождает недостаточный спрос, который сокращается, в частности, и потому, что богатая часть населения тратит на товары и услуги меньшую долю своих доходов и в конечном счете уменьшает прибыль от капиталовложений. Исследования американских ученых и Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития показали, что концентрация большей части совокупного дохода в руках немногих приводит к снижению совокупного спроса. Более высокий уровень неравенства в получаемых доходах имеет негативную корреляцию с ростом ВВП на душу населения. А вот страны, в которых социальная дифференциация сокращается, имеют более высокие темпы экономического роста [20].

Недостаточный для быстрого выхода из кризиса совокупный спрос связан также с исчерпанием возможностей его роста в рамках данной научно-технической модели и достаточно полного удовлетворения сформировавшихся в течение последних 20–25 лет потребностей. Декларируемый переход к инновационному развитию требует не только освоения принципиально новых технологий, но и формирования новых потребностей, удовлетворение которых сможет стимулировать производство новых товаров и услуг.

Вопрос о социальной дифференциации, поиски путей решения давно назревших проблем заняли важное место в политике президента США Б. Обамы. После прихода к власти им была создана специальная рабочая группа по делам среднего класса, которую возглавил вице-президент Дж. Байден. Впервые на государственном уровне была представлена масштабная и относительно объективная картина роста социальной дифференциации, стагнации доходов, кризиса среднего класса, что сделало существовавшие проблемы предметом постоянного общественного и политического дискурса. В рамках антикризисной политики администрация президента инициировала и осуществила три программы помощи домовладельцам, результатом которых стала стабилизация на рынке частного жилья. Были приняты закон о регулировании предоставления кредита с помощью электронных кредитных карт, закон Додда – Фрэнка «О реформировании Уолл-стрит и защите

потребителей», который стал наиболее решительной попыткой регулирования финансовой системы со времен «нового курса» Ф. Рузвельта. Было создано и начало свою работу государственное Агентство по защите потребителей в финансовой сфере. В результате его деятельности более 10 млрд долларов было возвращено банками потребителям. Существенно возросли расходы государства на образование и науку, вложения в инфраструктуру.

Крупным успехом администрации Б. Обамы стало одновременное принятие закона о реформе медицинского страхования и закона об изменении системы кредитования студентов при получении высшего образования. В результате число не имеющих медицинской страховки американцев уменьшилось, расширилась программа предоставления стипендий для студентов, грантов для ветеранов военных действий. Прямое, без посредников, финансирование студенческих кредитов, начиная с 2008 года, в течение трех лет привело к снижению непосредственных затрат на обучение, несмотря на рост его стоимости [21]. Темпы роста стоимости образования и медицинского обслуживания замедлились. В течение всего одного года процент не имеющих страховку американцев сократился с 13,3 до 10,4% – с 41,8 млн человек до 31 млн [22, p. 3]. Достижением можно считать и восстановление автомобильной промышленности, реализацию программы освоения «зеленых технологий» и снижению зависимости от внешних источников энергоносителей. В 2014 году докризисного уровня достигли темпы создания новых рабочих мест, а безработица оказалась даже ниже – 5,8%. В результате компромиссных решений удалось добиться снижения дефицита государственного бюджета. Наметилась тенденция к росту реальных доходов американцев.

К числу нерешенных, вызывающих серьезные опасения экспертов проблем относятся большое количество длительно безработных и падение общей численности экономически активного населения. Низкими темпами восстанавливается спрос на рынке частного домовладения.

Несмотря на позитивные в целом результаты, промежуточные выборы в Конгресс в 2014 году закончились для демократов тяжелым поражением. Республиканцы увеличили свое большинство в Палате пред-

ставителей и впервые с 2006 года получили большинство в Сенате. Так американцы выразили свое недовольство медленным выходом из кризиса.

В своем ежегодном послании Конгрессу и в бюджетных предложениях 2015 года Б. Обама выражал намерение продолжить политику «поддержки среднего класса», в частности, расширить доступ к дошкольному образованию, сократить налоги для работников со средним уровнем доходов и увеличить налоги на богатых американцев. Но предложения носили скорее декларативный характер. И, принятие республиканским Конгрессом стало невозможно: речь шла скорее о пропаганде позиции демократической партии, формировании повестки дня к следующим президентским выборам.

Вопрос о положении среднего класса, о необходимости ликвидации социальных диспропорций занял важное место в программных заявлениях представителей демократов Х. Клинтон, Б. Сандерса и других. В них содержатся требования сохранения и расширения программ социального страхования, изменения трудового законодательства в пользу наемного работника, повышения минимальной заработной платы, расширения доступа к образованию, усиления контроля над финансовыми институтами, прогрессивного налогообложения и перераспределения доходов в пользу среднего класса. Две трети американцев поддерживают предложение увеличить налоги на доходы, превышающие 1 млн долларов, 6 из 10 американцев высказываются в пользу вмешательства государства с целью уменьшения разрыва между богатыми и бедными, 7 из 10 выступают за сохранение программ социального страхования и медицинского обслуживания пенсионеров.

Прогрессивные требования поддерживает большинство американцев, что отнюдь не гарантирует победу демократов на следующих выборах. На стороне республиканцев инерция общественного сознания, десятилетиями внедрявшиеся в умы американцев представления о вреде чрезмерной социальной благотворительности, о собственной исключительности и «обществе неограниченных возможностей», о вреде большого государства и пользе ничем не ограниченной конкуренции. В пропаганду неоконсервативных взглядов

вкладываются миллионы долларов, крупный бизнес и его отдельные представители прямо финансируют деятельность лоббистских организаций в Конгрессе, выступают главным спонсором избирательных кампаний федерального уровня.

Различия в подходах республиканцев и демократов к решению поставленных задач придают особую важность следующим президентским выборам и выборам в Конгресс. Свертывание, в случае победы кандидата-республиканца и сохранения республиканского большинства в Конгрессе, намеренно администрацией Б. Обамы направления развития может привести к дальнейшему росту социальной дифференциации, ухудшению положения большинства американ-

цев, что, в итоге, будет иметь негативные последствия как для американской, так и для мировой экономики.

Несмотря на единство цели сохранения мирового лидерства, инструментарий достижения этой цели у республиканцев и демократов существенно различается. Последствия прихода к власти республиканцев выглядят менее предсказуемыми. Серьезную опасность для международной безопасности, как показал опыт правления предыдущей республиканской администрации, может представлять реализация свойственных богатой элите упрощенных, оторванных от действительности представлений и взглядов на другие страны и проблемы международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- Mishel, L., Gould, L., Bivens, J. Wage stagnation in nine charts / L. Mishel, L. Gould, J. Bivens. – Washington: Economic Policy Institute, 2015. – 13 p.
- Stone, Ch., Trisi, D., Sherman, A. Guide to statistics on historical trends in income inequality / Ch. Stone, D. Trisi, A. Sherman. – Washington: Center on Budget and policy priorities, 2015. – 19 p.
- Saez, E. Striking it richer: the evolution of top incomes in the United States / E. Saez // UC Berkeley, September 3, 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eml.berkeley.edu/~saez/saez-UStopincomes-2013.pdf>. – Date of access: 12.05.2014.
- Major sector productivity and costs. Hourly compensation. 2007–2015 // United States department of labor. Bureau of labor statistics [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.bls.gov/pdq/SurveyOutputServlet>. – Date of access: 02.06.2014.
- Major sector productivity and costs. Labor productivity (output per hour) 2007–2015 // United States department. Bureau of labor statistics [Electronic resource]. – Mode of access: <http://data.bls.gov/timeseries/PK30006092>. – Date of access: 02.06.2014.
- Cheeseman, J. Income, poverty, and health insurance coverage: 2014 employment characteristics. Social, economic & housing statistics division of U.S. census bureau / J. Cheeseman. – Washington: U.S. Government Printing Office, 2015. – 12 p.
- Bricker, J. Changes in U.S. family finances from 2010 to 2013: evidence from the survey of consumer finances / J. Bricker // Federal Reserve Bulletin. – Vol. 100. – № 4. – 2014. – 41 p.
- Obama, B. President Barack Obama's state of the union address / B. Obama // The White House [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/01/28/president-barack-obamas-state-union-address>. – Date of access: 14.09.2015.
- Elsby, M., Hobijn, B., Sahin, A. The decline of the U.S. labor share / M. Elsby, B. Hobijn, A. Sahin // Brookings papers of economic activity, fall 2013 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.brookings.edu/~media/Projects/BPEA/Fall%202013/2013b_elsby_labor_share.pdf. – Date of access: 09.10.2015.
- Freeman, R. How much has de-unionization contributed to the rise in male earnings inequality? / R. Freeman // National bureau of economic research, 1991. Working paper № 3826 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.nber.org/papers/w3826>. – Date of access: 01.09.2015.
- Dinlersoz, E.M., Greenwood, J. The rise and fall of unions in the U.S. National Bureau of economic research. Working paper 18079. – Cambridge: NBER, 2012. – 62 p.
- Gautie, J., Schmitt, J. Low-wage work in the wealthy world / J. Gautie, J. Schmitt. – New York: Russell Sage, 2010. – 508 p.
- Gordon, D. Lost and found: the corporate squeeze of working America and the myth of the managerial "downsizing" / D. Gordon. – New York: Free Press, 1996. – 320 p.
- Involuntary part-time work on the rise // U.S. Department of labor. U.S. Bureau of labor statistics [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.bls.gov/opub/ils/pdf/ibils71.pdf>. – Date of access: 27.02.2012.
- Baum, S., Ma, J. Trends in college pricing / S. Baum, J. Ma. – New York: College Board, 2013. – 39 p.
- Lino, M. Expenditures on Children by Families, 2013 / M. Lino // U.S. Department of Agriculture, Center for Nutrition Policy and Promotion. Miscellaneous Publication No. 1528–2013 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.cnpp.usda.gov/sites/default/files/expenditures_on_children_by_families/crc2013.pdf. – Date of access: 27.02.2012.
- Atkinson, R. Hearing on tax reform options: incentives for capital investment and manufacturing / R. Atkinson // U.S. Senate finance committee, March 6, 2012 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.itif.org/publications/senate-hearing-tax-reform-options-incentives-capital-investmentand-manufacturing>. – Date of access: 25.06.2015.
- Estimates of federal tax expenditures for fiscal years 2014–2018 (2014), JCX-9714 // Joint committee on taxation [Electronic resource]. – Mode of access: available at <https://www.jct.gov/publications.html?func=startdown&id=4663>. – Date of access: 25.06.2015.
- Greenwood, J., Guner, N., Kocharkov, G., Santos, C. Marry your like: assortative mating and income inequality / J. Greenwood, N. Guner, G. Kocharkov, C. Santos // American Economic Review, Geography American Economic Association. – 2014. – № 104 (5). – P. 348–353.
- Lawrence, H., Summers, L., Balls, E. Report of the commission on inclusive prosperity / H. Lawrence, L. Summers, E. Balls // Center for American Progress January 2015 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://cdn.americanprogress.org/wp-content/uploads/2015/01/IPC-PDF-full.pdf>. – Date of access: 03.02.2015.
- Емельянов, Е.В., Чудинова, К.О. Государственные программы в сфере образования в период президентства Б. Обамы / Е.В. Емельянов, К.О. Чудинова // Россия и Америка в XXI веке: электронный научный журнал [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.rusus.ru/?act=read&id=433#_edn5. – Date of access: 05.09.2015.
- Smith, C., Medalia, C. U.S. Census bureau, current population reports, P60-253, health insurance coverage in the United States: 2014 / C. Smith, C. Medalia. – Washington: U.S. Government Printing Office, 2015. – 40 p.